

1

Только мы с Катей знаем, как это приятно — убивать своих мужей. Ни с чем не сравнимое удовольствие. Катя убила своего равнодушием и нелюбовью. Он почувствовал это, ушел от нее, женился на другой и через месяц погиб в автомобильной аварии.

Я убила первого мужа, наоборот, чрезмерной любовью. Не в силах ни в чем ему отказать, я купила ему дорогую спортивную машину, на которой он и разбился в пыль спустя — вот рок — тоже месяц.

Наши мужья похоронены рядом под большими елями в тихом месте в Подмоскowie, и мы время от времени приезжаем навестить их и выпить рюмку-другую над могилой.

— Я знала, что этим дело кончится, — сказала Катя как-то раз, когда мы поминали наших мужей. — Знала, что он долго без меня не протянет, уверена была. Но все равно вынудила его уйти. Поэтому считай, что убила.

Я улыбалась ее словам. Глупости все это. Как она могла знать, что он погибнет в аварии? Это невозможно. Просто стечение обстоятельств.

А я, покупая мужу автомобиль, просто видела, как он разгоняется, теряет контроль над собой и врезается в сосну. Так все и случилось. И была именно сосна, а не какое-то другое дерево.

— Получается, что и я убила, — ответила я, поправляя цветы в тяжелой мраморной вазе. — И знаешь, я не особенно и горевала.

— Вот-вот, — отозвалась Катя, заканчивая высаживать на могилу цветочную рассаду. Анютины глазки весело затрепетали на легком ветру.

Катя так больше замуж и не вышла, решила, что одной легче и спокойнее. Я же, на удивление всем, снова нашла мужа.

История моего замужества — это песня. Или лучше драма. Наш брак можно считать неравным по всем пунктам. Разве что мы ровесники, а так... Мой муж — известный киноактер Сергей Голт. Я обыкновенный московский ресторатор Наташа Соловей.

Мой муж Сережа так талантлив и красив, что все, кто видит нас вместе, поражаются, как этот прекрасный молодой человек (нам обоим по тридцать с небольшим) выбрал в жены меня. Я невысокая полная брюнетка с маленькой родинкой над верхней губой. Если бы вдруг случилось чудо и я стала выше и стройнее, все бы увидели роскошную женщину с густыми смоляными волосами, которую не портит даже эта родинка. Но пока я могу гордиться только натуральной грудью шестого размера, доставшейся мне от

природы нежной кожей и крепкими белоснежными зубами.

Увы, мой муж, русоволосый, зеленоглазый, очень молодо выглядящий красавец просто терпит меня рядом с собой. Думаю, все об этом догадываются. Наш союз — результат хорошо продуманного долгосрочного финансового проекта, называемого браком. Брачный договор мы не заключали, даже решили, что спать будем вместе. Остальные пункты меня вообще мало интересовали. Чтобы приглушить боль, я придумала себе, что мой муж — что-то вроде породистой собаки. Дорого, красиво, принадлежит только мне. Только я могу решать, что с ним делать — положить рядом с собой или любоваться издали.

Эта любовь, разрушившая меня, поправшая все мои принципы, сделавшая меня посмешищем в глазах людей, все еще подпитывала меня маленькими глотками счастья. Наркотического счастья, за которое я смогла бы отдать жизнь, если бы только понадобилось.

Будь я художником, я писала бы исключительно портреты моего мужа. Не знаю, каким вдохновением нужно было обладать матушке-природе, чтобы сотворить такого красавца. Главное в нем — глаза. Не просто зеленые, а светлые, прозрачные, постоянно меняющиеся — от цвета весенней листвы до оливкового, табачного, а еще темнеющие до черноты еловой хвои в пасмурный день, уходящие в темень изумрудных таежных лесов...

Волосы светло-русые, слегка волнистые, небрежно растрепанные. Аккуратный нос, губы крупной лепки. Высокий, стройный, в меру подкачанный, походка легкая, стремительная. Иногда я ловлю себя на том, что мне хочется подойти к нему, схватить за руку и увести подальше от всех, кто смотрит на него. Только я имею право так смотреть — овладевая, проникая в него.

А он... он в меня уже давно не проникает. Мы спим в одной постели, и все. Просто спим. Даже под одним одеялом, но это все равно не делает нас ближе. И я знаю почему. И от этого знания, особенно когда я все это себе представляю, у меня темнеет в глазах, и тогда я хочу одного — чтобы Сережи не было в моей жизни. Потому что это больно. Слишком больно.

Первый ресторан мне оставил отец, царство ему небесное. И капиталец был какой-никакой. И еще две квартиры, одна на Петровке, другая на Маяковке.

Ресторан был обыкновенный, с русской кухней, без особых затей. Зато место шикарное, в пяти шагах от Пушкинской площади. В советское время здесь можно было позавтракать вареным яйцом под майонезом и кашей с какао, а по вечерам набивался артистический молодежь, и на закуску шли селедка с огурцами и квашеной капустой, салат «Юбилейный», холодец, семга с икрой. И потом, когда советское время закончилось, ресторан оставался безликим. Название у

него тоже было самое обыкновенное — «Чайка». После смерти отца я стала здесь полноправной хозяйкой, но еще добрых года два продолжала кормить гостей все тем же холодцом.

В какой-то момент я поняла, что нужно придумать что-то свое, чтобы ни на кого не было похоже. Уж не знаю, как я решилась, но я изменила все, причем радикально, невероятно, невозможно! Поначалу, думаю, даже Катя с трудом сдерживала смех, слушая мои страстные до хрипоты речи. Но я ведь и вправду загорелась новым стилем ресторана не на шутку. Мы решили, что если сделать все уверенной рукой, быстро и со вкусом, то все получится. Мне хотелось шокировать всех, кто привык к старым интерьерам, хотелось потрясти своих друзей, даже если в этом был риск потерять кого-то из постоянных клиентов. Но рисковать я почему-то совершенно не боялась. Должно быть, меня успокаивала мысль, что, даже если мою идею никто не оценит, все равно народ валом повалит — место-то золотое, бриллиантовое.

Только Катя знает, что я тогда — и разве только тогда? — мнила себя Жорж Санд.

Эта удивительная женщина всегда была моим кумиром, и, читая «Лелию», я уже хотела походить на нее. Конечно, я не писатель, и к литературе меня особенно никогда не тянуло. Я восхищалась не ее романами, которые в подростковом возрасте проглатывала за ночь, меня привлекала

ее невероятная женственность в сочетании с решительностью, умением держаться на плаву, способностью окружать себя гениальными людьми. И, конечно, главное — ее способность любить. Любя мужчин, любя себя в этой любви, она любила прежде всего самую жизнь. И кроила ее под себя, как те платья, которые она шила своими нежными руками в минуты вдохновения. Она сажала цветы своей любви так же, как высаживала розы в саду. Она умела и любила многое, что позволяло ей наполнить жизнь удовольствиями. Казалось даже, что она находила горьковато-приторное удовольствие и в страданиях. А сколько энергии было в этой невероятной женщине! А как весела и беззаботна она была в окружении любовников и друзей! «Веселье — говорила Жорж Санд, — лучшая гигиена тела и души».

Мир Жорж Санд покоряет прежде всего женщин. Вот и я решила создать первый ресторан в ее честь — для моих современниц. Пусть он напоминает нам о парижских кафе того уже легендарного века. К счастью, у нас были высокие потолки, так что я смогла задекорировать воздушными овальными арками отдельные залы. Деревянные панели, покрытые позолотой, стилизованная мебель с гнутыми ножками и обитыми шелком сиденьями, мраморные вазы с живыми розами, прозрачные, с изящными рисунками перегородки между залами. Пышно, роскошно, дорого, цветочное изобилие и нарядные ткани — убранство моего первого ресторана должно было

перенести моих гостей на один вечер в прошлое. Я останавливала для них время, отменяла суету и дарила удовольствие изысканными интерьерами и меню. Этот ресторан я решила назвать «Мопра» — по имени героя одного из первых романов Жорж Санд.

— Наташа, проснись.

Я открыла глаза. Оказывается, я лежала на диванчике в гостиной в халате и в домашних тапочках, отороченных розовым пухом. Надо мной склонилась Катя. Высокая, растрепанная, тоже в халате. Лицо озабоченное, глаза воспаленные.

— Что, Катя, есть новости? — спросила я, возвращаясь в тягостную реальность. — Его нашли?

— Мишин звонил. На юге Москвы обнаружен труп мужчины примерно того же возраста и такой же, как у Сережи, комплекции. Тоже блондин. Хоть бы это был не он.

— За десять дней мы с тобой опознали уже пять трупов. Не будем терять надежды. Я хочу думать, что и это не он. И что ему делать на юге Москвы? Хотя что я такое говорю?

Десять дней назад в Интернете и в газетах впервые осторожно сказали, что пропал актер Сергей Голт. Вышел из своего театра и исчез. Поклонницы, несущие вахту у служебного входа, видели только метнувшуюся к кустам фигуру в черном плаще. Но они хором твердят, что это не мог быть Сергей. Незнакомец в плаще был на це-

люю голову ниже моего мужа и слегка прихрамывал — ничего общего с романтическим героем, скорее уж с персонажем какой-нибудь страшной сказки Гофмана.

Да и не мог Сережа выйти тайком. Он любил своих поклонниц, с радостью оставлял автографы в блокнотах и на фотографиях, а то и вовсе расписывался маркером на их плечах, руках и коленях. И цветы любил принимать, считал, что это правильно и что нельзя обижать невниманием тех, кто тебя так любит и восхищается тобой.

Но то, что он пропал, это факт. Исчез. Растворился бесследно, как туман. Словно я, очнувшись после бурной ночи, вдруг осознала, что мужа у меня и не было. Что он был плодом моего воображения, что я придумала его для себя, такого невероятно красивого, талантливого и коварного. То ли радоваться мне теперь, что все это только приснилось и любовь к нему больше не будет меня разрушать, то ли плакать, что переживания, которые были моей настоящей жизнью, оказались игрой воображения, сном.

Сколько раз я проиграла в памяти наш последний вечер.

После спектакля я заманила его домой. В последнее время он совсем отбился от рук, точь-в-точь подросток, вырвавшийся на свободу. Теперь я видела его все реже. Мои «глаза» и «уши» в театре, которым я щедро платила, все, от костюмерш до актрис, нуждающихся, но скрывающих

свою бедность, постоянно держали меня в курсе всего, что происходило с Сережей.

У него и прежде хватало любовниц, но последняя, опасная, невозможная, настоящее исчадие ада, просто приворожила его. Будь я из числа тех, кто верит в приворот, я непременно нашла бы злобную старуху, которая помогла бы опоить моего мужа этим зельем, и заставила бы ее сделать так, чтобы он на дух не выносил эту школьницу.

Я заманила Сережу таким неприличным образом, что самой стало противно. Его театр собирался на гастроли в Париж. Понимая, как захочется ему продемонстрировать коллегам нашу парижскую квартиру, я пообещала сделать все возможное и невозможное, чтобы купить ему там машину. Пусть он не только принимает друзей, но и покатает их с ветерком в собственном новеньком кабриолете.

— Наташа, ты дура? — уставилась на меня Катя, когда я рассказала ей об этом. — Или ты действительно решила его грохнуть так же, как своего Геночку?

Геночка — так звали моего первого мужа.

Катя пришла ко мне за советом. Два года назад она, финансист по образованию, открыла собственное кафе в двух шагах от театра миниатюр «Скорлупка». Работать в моих ресторанах она категорически отказывалась, считала, что

слишком велик риск раздружиться. В своем «Цахесе» — Катя отдавала предпочтение Гофману, потому и кафе назвала именем его персонажа — она занималась всем вместе с единственным родственником, племянником Юрой.

— Почему дура-то? — Я несколько не обиделась, поскольку знала, что Катя, пожалуй, единственный человек в мире, преданный мне безоговорочно. Жизнь уже столько раз испытывала мою подругу на верность, что сомнений на ее счет у меня быть не могло. Катя была умна, образованна, мы дружили с детства, и какой бы крутой бизнес-леди я ни заделалась, ее мнение для меня значило многое. Если она считала, что я дура, значит, что-то в моем плане прихрамывает.

— Геночке своему ты уже купила машину, и теперь мы с тобой на пару пьем коньяк на его могиле. Или ты забыла?

Как такое забудешь?

— И потом, ты прекрасно знаешь, кого твой Сережа будет возить на этой машине в Париже.

— И кого же? Там же вся труппа, своих друзей и будет возить. Ленка-то в Москве. Не думаю, что она полетит вместе с театром. Это невозможно, ее родители не пустят.

Ленка, она же Елена Юдина, старшеклассница, последняя любовь Сережи. Это она сделала с ним что-то такое, что он, позабыв о наших договоренностях, о приличиях, да что там, потеряв рассудок, проводил с ней все свободное время.

Он, женатый мужчина, связанный по рукам и ногам обязательствами перед женой!

Дав слово ночевать дома (исключая время гастролей и съемок), Сережа вот уже неделю как не появлялся в нашей квартире. Звонил, говорил, что у него павильонные съемки в Москве, и, кажется, не сомневался, что я ему поверю. Или ему все равно. Я даже не уверена, что он дает себе труд задуматься над тем, каково мне постоянно жить в этом обмане. Говорю же: ему все равно.

У меня, конечно, есть человек, который следит за ним и все мне докладывает. Профессионал, он знает свое дело так же хорошо, как я свое.

Это он принес фотографию моей очередной соперницы, тощей, длинноногой девицы с длинными каштановыми волосами. Совсем девчонка и наверняка тупая, раз влюбилась в актера. Разве нормальные девочки могут любить образы? А то, что эта Лена Юдина влюбилась в его экранный образ, несомненно. И это несмотря на то, что мой муж, играющий первых любовников, отлично справляется с ролями другого плана: негодяи, подлецы, убийцы, маньяки, психи... В какой из его образов влюбилась эта девочка, мне пока не ясно. Но то, что она успела насладиться телом моего мужа, — несомненно. Тому имеются доказательства — фотографии этой парочки. Мой человек забрался, думаю, на дерево, чтобы снять все то, что проделывали любовники за стеклами неизвестной мне квартиры. Не исключено,